

ФЕЛИКС КЕРСТЕН

ПЯТЬ ЛЕТ РЯДОМ С
ГИММЛЕРОМ.

ВОСПОМИНАНИЯ
ЛИЧНОГО ВРАЧА.

1940-1945

Феликс Керстен

**Пять лет рядом с
Гиммлером. Воспоминания
личного врача. 1940-1945**

«Центрполиграф»

Керстен Ф.

Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача.
1940-1945 / Ф. Керстен — «Центрполиграф»,

Эта книга воспоминаний известного мануального терапевта, который успешно лечил Гиммлера и пользовался полным доверием второго по значимости руководителя Третьего рейха. Керстен рассказывает о постоянных встречах с главой СС, об откровениях кровавого палача, виновного в гибели миллионов и в то же время считавшего негуманной охоту на фазанов. Автор в своей поразительной книге дает всесторонний портрет руководителя карательного аппарата Германии.

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
I	15
Визит в масонский музей	15
Идеи Гиммлера о масонстве	16
Борьба против всех анонимных сил	19
Борьба с национальным масонством	21
II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Феликс Керстен

Пять лет рядом с Гиммлером.

Воспоминания личного врача. 1940—1945 гг

Предисловие

Эта книга дает общественности возможность ознакомиться с заметками о моих беседах с ведущими деятелями национал-социалистической Германии, в первую очередь с Генрихом Гиммлером, министром рейха и главой СС. Записывая в военные годы эти впечатления сразу же после встреч с вышеназванными людьми, я не представлял себе, что веду исторические исследования, считал их скорее дневником моей борьбы с сильными мира сего ради страдающего человечества. Я ощущал необходимость зафиксировать самую суть моих впечатлений и опыта и описывать то, что видел и слышал.

Я встречался с людьми, которым тогда принадлежала власть в Германии, как врач и в такой атмосфере, которая обычно преобладает в отношениях врача и пациента – то есть отношения были свободными и непринужденными, зачастую без тех масок, с помощью которых люди стараются скрывать свои глубинные чувства. Мои непрерывные и страстные усилия служить человечеству и спасти тех, чье положение было безнадежно, обычно вызывали полное непонимание у моих собеседников. И все же порой они выказывали расположение к моим просьбам за людей, подвергавшихся притеснениям и гонениям, – исключительно из-за того, что я был нужен им как врач, и потому, что наши встречи были личными, находились за пределами их мрачного мира с жестко заданными правилами.

Многое из того, что я описывал, может показаться сегодня обыденным, но я пережил все это в то тревожное время, когда каждый разговор и каждая встреча имели глубинный смысл. В таком широком контексте каждый факт приобретал для меня особое значение. С тех пор мои наблюдения не подвергались никакой редакции, если не считать того, что отдельные фрагменты собраны в главы, объединенные общей темой. Возможно, эти страницы моего дневника имеют какую-то историческую ценность. Они написаны под непосредственным впечатлением от пережитого, в неустанных поисках истины.

Феликс Керстен

Введение

Феликс Керстен, автор этой книги, во время Второй мировой войны был личным врачом Генриха Гиммлера. В тот же период он получил награды за выдающиеся заслуги перед человечеством. Такое сочетание может показаться парадоксальным, а поскольку парадоксы обычно будоражат общество, Керстен после окончания войны оказался в центре весьма оживленной полемики – из которой, однако, вышел победителем. Вследствие того что по воле случая я оказался участником этих дискуссий, а человеческое любопытство мешало оставить их, пока не оказалось полностью удовлетворенным по всем пунктам, я могу претендовать на близкое знакомство с данным вопросом и с большим удовольствием публикую известные мне факты в форме введения к этой книге. Ее содержание, безусловно, столь необычно, что читатели имеют право потребовать, чтобы кто-либо гарантировал им честность ее автора.

Во-первых, каким образом Керстен оказался в странном положении врача Гиммлера – и даже больше чем врача, поскольку, по его собственному признанию, он был почти что «отцом исповедником» этого жуткого изверга Третьего рейха? Керстен был космополитом – по крайней мере, в масштабах Северной Европы. Будучи прибалтийским немцем, родившимся в Эстонии в 1898 году, и, следовательно, изначально российским подданным, он в 1918 году вступил волонтером в финскую армию, ведущую освободительную войну против России. В 1920 году Керстен получил финское подданство, а затем изучал в Берлине мануальную терапию под руководством знаменитого китайского специалиста доктора Ко и вскоре сам стал одним из наиболее успешных представителей этого неортодоксального, но очень ценного искусства. Первые его профессиональные успехи связаны с Германией, где к его услугам обращалась и аристократия, и плутократия 1920-х годов; но поскольку оба этих класса интернациональны, благодаря их покровительству Керстен получил международную известность. Так, герцог Адольф-Фридрих Мекленбургский порекомендовал его своему брату, принцу Хендрику, мужу нидерландской королевы Вильгельмины. Это был один из самых важных моментов в карьере Керстена, поскольку на какое-то время он вошел в круг приближенных принца и поселился в Голландии. Но он практиковал и в Германии, где еще одна рекомендация имела гораздо более важные последствия. На этот раз ее источником послужила плутократия. В марте 1939 года пациент Керстена доктор Август Диен, президент Германского калийного синдиката, обратился к Керстену с чрезвычайно настойчивой просьбой.

– Господин Керстен, – сказал он, – я никогда не просил вас об одолжении, теперь же вынужден попросить. Не осмотрите ли вы Генриха Гиммлера? Думаю, он станет для вас интересным пациентом. Кроме того, успешно вылечив его, вы окажете нам огромную услугу. Может быть, вам удастся убедить его не национализировать частную промышленность.

Керстен осмотрел Гиммлера и обнаружил, что тот страдает от кишечных спазмов, вызывающих сильные боли, порой даже приводящих к потере сознания. Прежде врачи лечили Гиммлера наркотиками, но безуспешно. Керстен воспользовался мануальными методами, и результат оказался поразительным: боль прошла через пять минут. Обрадованный Гиммлер умолял Керстена стать его личным медиком, но Керстен отказался. Пока война не разразилась, Гиммлер еще не мог ему приказывать и был вынужден остаться всего лишь одним из тех немецких пациентов, которых Керстен лечил в ходе регулярных профессиональных визитов в Германию из Голландии, где постоянно жил и работал.

По крайней мере, такие у Керстена были планы, результат же оказался другим: уже через год, когда весной 1940 года Керстен приехал в Германию, та вела войну, и за время, что Керстен находился в Берлине, немецкие армии неожиданно вторглись в Голландию. Возвращаться ему было некуда. Голландская королевская семья бежала в Англию. Пользуясь всеми преимуществами своей позиции, которая подкреплялась угрозами, Гиммлер повторил Керстену свое

предложение. Столкнувшись с альтернативой суда или концентрационного лагеря, Керстен выбрал свободу: он стал личным медицинским советником Великого инквизитора Третьего рейха, и началась самая необычная часть его биографии.

Для нас, людей либерального общества, положение придворных врачей в Третьем рейхе всегда будет казаться крайне необычным. Какой властью обладали при дворе Гитлера его медики, в каком водовороте политики они вращались, какие губительные интриги их разделяли! В другой книге я уже описывал эти странные события, столь ярко отображенные в письмах Бормана, который находился в самом центре этого двора. Окружение Гиммлера едва ли сильно отличалось от гитлеровского, и этот факт вряд ли нуждается в объяснениях. Все тираны, оказавшись в изоляции среди опасностей – особенно если они, подобно Гиммлеру, в принципе были малодушными людьми, – нуждаются в конфидентах, которых (возможно, ошибочно) считают стоящими вне хитросплетений политических интриг. Придворные шуты, астрологи, жрецы, любовницы – всем им доводилось играть эту классическую роль в прошлом. Современные мнительные деспоты отводят ту же роль своим врачам. Гитлер доверялся Мореллю и Брандту (до тех пор, пока последнего не погубил Морелль); Гиммлер – Гебхарду и Керстену. Для него Керстен, от которого он все сильнее и сильнее зависел, всегда оставался «моим добрым доктором Керстеном», «волшебником Буддой (как Гиммлер отзывался о нем графу Чиано), который что угодно вылечит массажем»; Гиммлер обращался к нему едва ли не с нежностью, многое позволял ему, спокойно выслушивал его самые смелые требования; и Керстен, держа в руках ключи от физического здоровья Гиммлера, превратился для него во всемогущего исповедника, который мог по своей воле манипулировать как телом, так и сознанием этого ужасного, холодного, бесчеловечного, но в то же время наивного, мистически настроенного, доверчивого тирана нового порядка.

Как же Керстен воспользовался этими чрезвычайными возможностями? Следующие факты не вызывают сомнения: тысячи голландцев, немцев, евреев и других людей обязаны своим спасением вмешательству Керстена. Все, кто искал спасения для обреченных людей, со временем узнали, к кому полезнее всего обращаться. Финская дипмиссия в Германии с помощью Керстена спасала норвежских и датских военнопленных¹, Всемирный еврейский конгресс записывает на его счет спасение 60 тысяч евреев², но в первую очередь Керстен посвятил себя интересам Голландии, которая до войны фактически успела стать его родиной. Так, в 1941 году Гитлер предложил переселить до трех миллионов «непримиримых» голландцев в польскую Галицию и на Украину и поручил Гиммлеру исполнить это предложение. К счастью, в то время Гиммлер был крайне нездоров и особенно сильно зависел от Керстена. Керстен убедил его, что исполнение такой обширной операции вызовет сильное перенапряжение, которое может оказаться фатальным. Поэтому операция была отложена до окончания войны. Впоследствии Гиммлер жалел, что проявил слабость в этом вопросе. Он с досадой отмечал, что решение фюрера было правильным; отсрочка «произошла по вине моего слабого здоровья и доброго доктора Керстена»³.

Разумеется, такая дыра в системе террора не осталась незамеченной при дворе Гиммлера. Некоторые, более либеральные люди – ибо даже при дворе Гиммлера нашлось несколько относительно либеральных личностей, чиновников, которые исполняли приказы без особых угрызений совести, но и без всякой кровожадности, – пользовались ею: например, это были секретарь Гиммлера Рудольф Брандт и начальник его разведки Вальтер Шелленберг. Эти люди

¹ Свидетельство Генрика Рамсая (финский министр иностранных дел в 1943—1944 гг.) от 13.06.1949 г. и профессора Т.М. Кивимяки (финский посланник в Берлине в 1940—1944 гг.) от 5.12.1948 г.

² Меморандум Всемирного еврейского конгресса, Стокгольм, 18.06.1947 г.

³ Сообщение голландской парламентской *Enquete-commissie*, 1950 г., подтвержденное показаниями Людвиг Пемзеля от 27.03.1952 г., и генерал-майора Франца Мюллера-Дахса – 28.09.1949 г. План заселения Украины голландцами подтверждается в «Застольных беседах Гитлера».

постоянно сообщали об осужденных людях Керстену, как единственному человеку, который мог добиться отмены или отсрочки приговора. Другие, разумеется, придерживались противоположной точки зрения – особенно Эрнст Кальтенбруннер, австрийский головорез, который при Гиммлере контролировал все вопросы безопасности рейха. Кальтенбруннер с удовольствием ликвидировал бы Керстена, но положение того при Гиммлере было слишком сильным. Как однажды заявил Гиммлер Кальтенбруннеру, «если Керстен умрет, ты переживешь его не больше чем на сутки». Поэтому через дыру продолжались утечки; газовые камеры и расстрельные команды потихоньку теряли своих жертв, и сам Гиммлер прекрасно понимал, что происходит, но не мог ничего поделать. «Керстен каждым своим массажем выжимает из меня по одной жизни», – сказал он однажды⁴.

К 1943 году власть Керстена над душой Гиммлера была так безгранична, что первый решил избавиться от этих чересчур тесных связей, к которым его вынудила война. Поскольку Голландия больше не существовала, он нашел другое нейтральное государство в Северной Европе и сказал Гиммлеру, что хочет перебраться с семьей в Швецию и поселиться там. Гиммлер был расстроен: он не хотел терять Керстена. Но теперь угрозы исходили уже не от Гиммлера: личные отношения между ними с 1940 года изменились, и, когда Гиммлер встал перед выбором – либо он никогда больше не увидит Керстена, либо тот время от времени будет наносить ему визиты из Швеции, – он неохотно согласился на второй вариант. Поэтому в 1943 году Керстен, оставив в своем владении имение Гут-Харцвальде, купленное недавно на арестованные в Германии сбережения, перебрался в Стокгольм. Этот переезд означал еще один важный этап в его карьере: Керстен стал агентом шведского правительства в гуманитарной работе последних лет войны, и косвенно это привело к неоднократным попыткам приписать честь его трудов другим людям.

Первая важная работа Керстена на Швецию⁵ состояла в длительной и в конечном счете успешной битве по спасению жизни семи шведских бизнесменов, представителей Шведской спичечной компании, которых немцы арестовали в Варшаве по обвинению в шпионаже. Доктор Лангбен, берлинский юрист, позже казненный как антифашист, первым заявил представителям компании в Берлине, что Керстену, «возможно, удастся вытащить этих людей»; и верно, в конце концов Керстен добился освобождения шведов, включая четверых приговоренных к смерти, а в декабре 1944 года ему было позволено забрать последних троих вместе с собой в Швецию в качестве личного «рождественского подарка» от Гиммлера⁶. На ранних этапах этих переговоров Керстен лично познакомился с тогдашним шведским министром иностранных дел Кристианом Гюнтером и с того времени стал агентом Гюнтера в гуманитарной работе, которую Швеция вела в Германии. Зимой 1944/45 года, когда поражение Германии казалось уже неминуемым, шведское вмешательство приобрело международное значение.

Каким образом последние конвульсии нацистской Германии могли бы отразиться на оккупированных скандинавских странах – Дании и Норвегии? Гитлер приказал немецким войскам повсюду сражаться до конца. Могла ли Швеция, единственная нейтральная скандинавская страна, спокойно смотреть на то, как бессмысленно уничтожаются ее соседи? И какая судьба ожидала бы сотни тысяч военнопленных – включая датчан и норвежцев – в немецких концлагерях? Гитлер отдал приказ, чтобы при приближении союзных армий все концентрационные лагеря взрывали, а заключенных уничтожали. И политические, и гуманитарные соображения требовали шведского вмешательства для предотвращения такого бессмыслен-

⁴ Допрос фрайлейн Шенке (секретаря Шелленберга) в Англии от 19.12.1945 г.

⁵ Впервые шведы обратились к Керстену еще летом 1942 г. в лице господина Рихерта, шведского посла в Берлине.

⁶ Наилучшее, поскольку вынужденное, свидетельство об участии Керстена в этом деле содержится в показаниях Вальтера Шелленберга на Нюрнбергском процессе. Шелленберг пытался доказать, что именно он спас этих людей, но после допроса свидетелей стало ясно (как отметил трибунал), что своим спасением они в действительности были обязаны неизвестному в то время доктору Керстену.

ного разрушения, такого безумного кровопролития. Но где было возможно такое вмешательство? Разумеется, только при дворе Гиммлера, представлявшем собой единственную альтернативу двору Гитлера. Гитлер приказывал – но Гиммлер исполнял приказы или откладывал их исполнение; Гюнтер же получил непосредственный доступ к Гиммлеру в лице Феликса Керстена.

Такой план составили в Стокгольме Гюнтер и Керстен, и после длительной подготовки Керстен явился в Германию к Гиммлеру, чтобы выяснить, прислушается ли тиран на краю гибели к голосу благоразумия и здравого смысла. Позволит ли он, – спросил Керстен, – переправить всех скандинавских военнопленных в Швецию, чтобы они были там интернированы? Нет, – ответил Гиммлер, – это слишком сложно. Тогда разрешит ли он, – спросил Керстен, – собрать всех скандинавских пленных в одном лагере, откуда при необходимости их можно будет переправить в Швецию? На это Гиммлер согласился – при условии, что транспорт для их перевозки предоставит не Германия, а Швеция. Он позволил доставить в Германию – разумеется, тайно – полторы сотни автобусов для перевозки пленных в Швецию. Кроме датских и норвежских военнопленных, Гиммлер прибавил к ним в качестве личного подарка Керстену 1000 голландских женщин, 1500 француженок, 500 полячек и 400 бельгийцев при условии, что Керстен получит для них убежище в Швеции, а также 2700 евреев, которых следовало переправить в Швейцарию. Узников для перевозки в Швецию следовало собрать в лагере Нойенгамме. Это соглашение между Гиммлером и Керстеном было заключено 8 декабря 1944 года и письменно подтверждено 21 декабря. 22 декабря Керстен вернулся в Швецию и сообщил Гюнтеру о неожиданном успехе своей миссии.

Теперь оставалось только прислать автобусы. К февралю 1945 года все было организовано. Колонна в 100 автобусов Шведского Красного Креста была собрана и отправлена в Германию. Они получили известность как «белые автобусы» и находились под начальством полковника Готтфрида Бьорка, которого сопровождал вице-президент Шведского Красного Креста, известный общественный деятель, которого Керстен по просьбе Гюнтера представил по телефону Гиммлеру, – граф Фольке Бернадот.

Фольке Бернадот играл такую важную и, как покажется некоторым, поразительную роль в оставшейся части истории, что необходимо сделать паузу и предупредить все возможные недоразумения. Поскольку он уже мертв и не может дать ответа, важно не допустить поспешных обвинений в его адрес и превратного истолкования его мотивов. Тем не менее факты благодаря обилию документальных свидетельств совершенно ясны. Бернадот первый пытался приписать себе более важную роль, чем в действительности сыграл, а впоследствии, в неразумном стремлении монополизировать всю славу свершившегося подвига, стал претендовать на позицию, которую можно было защитить лишь неприличной саморекламой и клеветой в адрес противников. Остается только удивляться, каким образом в принципе благородный человек дошел до таких глубин падения. Возможно, этому энергичному, пусть и не слишком умному деятелю позиция простого посланника казалась недостаточной. Возможно, наивный, довольно тщеславный человек, непривычный к тонким и сложным переговорам, искренне считал свою роль более серьезной, чем она была в реальности. Возможно, в Швеции нашлось достаточно людей, которые, с досадой вспоминая свой бесславный нейтралитет во время войны, поспешили превратить шведского принца в защитника гуманизма. И еще следует помнить, что многие при дворе Гиммлера, понимая, что возмездие не за горами, постарались вцепиться в посетившего их Фольке Бернадота, находившегося в родстве с королем нейтральной Швеции, как в будущего патрона и покровителя, в своем тщеславии вполне податливого к их лести, а от лести было недалеко и до обмана. Так или иначе, какие бы мотивы ни подвигли впоследствии графа Бернадота на неуместные притязания, он дорого заплатил за них. Ведь если бы не сфабрикованный им миф о своих подвигах, его едва ли бы избрали посредником ООН в арабо-израильской войне 1948 года и он бы не принял в Палестине безвременную смерть от пули убийцы.

Я назвал Бернадота «простым посланником», имея в виду, что, хотя он имел полномочия обсуждать детали операции с Гиммлером, не в его власти было инициировать или вести политические переговоры. Собственно, ему было нечего инициировать или вести, так как все уже инициировал Гюнтер, а переговоры провел Керстен. Тем не менее, вследствие политического невежества Бернадота, а может быть, из-за того, что он получил недостаточно четкие объяснения, вскоре начались недоразумения. Они связаны с тем, что после заключения 8 декабря договора с Гиммлером Керстен в сотрудничестве с Гюнтером добился новых успехов. В частности, он пообещал Хилелю Шторьху, главе Шведского отделения Всемирного еврейского конгресса, по возможности добиться переправки в Швецию еще 3500 еврейских заключенных. Гиммлер согласился на это, но неожиданно Бернадот (к удивлению Гиммлера и досаде Керстена) отказался брать заключенных нескандинавского происхождения. Однако в итоге, после визита Керстена к Гюнтеру в Стокгольм, эти затруднения были улажены⁷, и 21 апреля кульминацией трудов Керстена по спасению евреев стал один из самых ироничных эпизодов всей войны: тайная встреча в имении Керстена Харцвальде Гиммлера, главного палача евреев, и Норберта Мазура, члена совета Стокгольмского отделения Всемирного еврейского конгресса, которого Керстен лично привез из Швеции для этой цели⁸. Этот поразительный разговор описан самим Мазуром⁹; в его ходе были улажены последние детали, и два часа спустя Гиммлер сообщил Бернадоту, что евреи могут отправляться в Швецию: «Я обещал это моему доброму доктору Керстену и должен держать обещание; кроме того, я уладил все детали с господином Мазуром». Бернадот забрал евреев и получил от стокгольмского раввина похвальную грамоту¹⁰.

Важно заметить: хотя Гиммлер, по всей видимости, решил, что Бернадот пользуется языком антисемитизма – вполне возможно, по тактической необходимости, – нет никаких причин предполагать, что отказ Бернадота брать евреев был вызван антисемитскими мотивами. Наоборот, свидетельства говорят об обратном, так как Бернадот также отказался брать французских и польских заключенных. Судя по всему, полученные им инструкции позволяли ему забрать только скандинавских пленных; но 27 марта, благодаря успеху других переговоров, эти инструкции были расширены и включали уже всех жертв фашистского притеснения.

Тем временем 12 марта Керстен выполнил программу Гюнтера, подписав еще один договор с Гиммлером. Согласно этому договору¹¹, Гиммлер обязался не выполнять приказ Гитлера взрывать концлагеря при приближении союзных армий, а, наоборот, сдавать их под белым флагом вместе со всеми заключенными и прекратить все казни евреев. Наконец, в ночь с 21 на 22 апреля Гиммлер попросил Керстена передать союзникам предложение о капитуляции.

⁷ На встрече в шведском министерстве иностранных дел 27 марта 1945 г., как подтверждается в официальном протоколе, цитату из которого любезно предоставил мне господин Острем, советник шведского посольства в Лондоне.

⁸ Согласно первоначальному плану, в Берлин должен был отправиться сам доктор Шторьх; но поскольку он, прибалт по происхождению, не имел шведского паспорта в качестве гарантии личной безопасности, это в итоге сочли слишком опасным, и вместо него поехал господин Мазур, подданный Швеции.

⁹ Доктор Керстен и господин Мазур впоследствии придерживались разного мнения об относительном значении обещаний Гиммлера Керстену, данных до 21 апреля по поводу освобождения евреев, и его соглашения с Мазуром, заключенного в этот день. После тщательного изучения доступных шведских, еврейских и голландских источников и интересной дискуссии с господином Мазуром я пришел к выводу, что Гиммлер, безусловно, дал Керстену общие обещания в марте 1945 г., но потребовался смелый личный визит Мазура, чтобы эти обещания оказались облечены в четкую практическую форму.

¹⁰ То, что Бернадот первоначально отказывался брать нескандинавских узников, подтверждает показание Готтлоба Бергера, начальника штаба Гиммлера, от 26.05.1952 г. Я видел сделанную Рудольфом Брандтом, секретарем Гиммлера, копию очень откровенного частного письма Бернадота к Гиммлеру от 10.03.1945 г. по этой самой теме; но, не имея возможности доказать подлинность копии, я хотел бы пока к ней не обращаться. Согласно Бергеру, Бернадот отправил Гиммлеру несколько частных писем (то есть не на бланках Красного Креста и, вероятно, не учтенных в его архивах), и эти письма не были в числе тех, которые уничтожены Гиммлером. Если так, то их оригиналы могут обнаружиться среди бумаг Гиммлера, попавших в Америку.

¹¹ Сохранилась его копия под копирку. Оригинал видел барон ван Нагель, которому Керстен показывал договор от 23.03.1945 г. Барон ван Нагель засвидетельствовал как его форму, так и содержание.

Керстен не стал вмешиваться в политику и перепоручил Гиммлера Бернадоту, который добросовестно передал его послание в Стокгольм.

Таким образом, в последние недели Третьего рейха политика шведского правительства спасла жизни многих людей; за этой политикой стоял неутомимый в своей настойчивости норвежец господин Дитлефф, возглавлявший шведскую организацию по помощи военнопленным, которого справедливо называют движущей силой предварительных переговоров. Фактически переговоры вел Феликс Керстен, и лишь благодаря его влиянию стало возможным претворить эту политику в действие; евреи многим обязаны вмешательству господина Шторьха и господина Мазура; граф Бернадот может претендовать на почетную роль орудия, избранного для решения технических, но от этого не менее важных, задач проекта. К несчастью, Бернадот не удовлетворился своей ролью. Едва война закончилась, как он неожиданно предстал перед публикой в роли человека, который по своей собственной инициативе задумал и осуществил весь план. Он якобы в одиночку встретился с доселе неумолимым Гиммлером в его логове, переубедил тирана и благодаря этому спас множество евреев и неевреев от смерти в концлагерях. Утверждалось даже, что именно он покончил с войной. Бернадота прославляли как Князя Мира, спасителя человечества, а после его смерти – и как мученика. За большую часть этой неприличной шумихи Бернадот не несет никакой ответственности.

Например, было бы несправедливо возлагать на него вину за появившиеся после его смерти панегирики, которые лишь выставляют его в глупом свете; но он не может отречься от лично написанных им трех книг, первая из которых стала главным зародышем, из которого выросла вся легенда.

Эта книга называлась по-шведски «Slutet» – а в английском переводе «Падение занавеса», – и едва ли не самое интересное в ней – скорость, с какой она была создана. Несмотря на миролюбивое предисловие, в котором Бернадот заявляет, что с большой неохотой поддался уговорам друзей и согласился написать этот отчет о своей деятельности, реально книга появилась в магазинах через шесть недель после описанных в ней событий. Более того, многие ее части в реальности были поспешно написаны бывшим начальником разведки Гиммлера, Вальтером Шелленбергом, который под конец войны нашел убежище в стокгольмском доме Бернадота и который (поскольку на его совести имелись военные преступления¹²) торопился заслужить шведское покровительство. К чести Шелленберга, надо отметить, что в его черновике (копия которого находилась при нем, когда он в конце концов сдался союзникам) отдавалось должное работе Керстена и Мазура в последние дни войны, и лишь из окончательной версии Бернадота оба имени полностью исчезли. Даже Гюнтер, министр, задумавший всю операцию, никак не упоминается в книге Бернадота. В этой книге вся операция изображается как задумка и достижение одного великого гуманиста, Фольке Бернадота¹³.

Похоже, что граф Бернадот ожидал некоей оппозиции своим претензиям, потому что, по словам Керстена, за день или два до выхода книги Бернадот позвонил ему и достаточно откровенно посоветовал не выступать с критикой книги, если Керстен не хочет, чтобы его как финского подданного выслали в Финляндию, где в тот момент правил коммунистический режим. Я бы не упоминал этой подробности, тем более что она исходит от самого Керстена, который, возможно, неверно понял намеки Бернадота, если бы она не была частично подтверждена Шелленбергом, которому Бернадот заявил в тот же день, что нанес Керстену «нокаут» по телефону, и показаниями бывшего голландского посла в Стокгольме, барона ван Нагеля, к

¹² В 1939 г. Шелленберг, как офицер гестапо, осуществил похищение на нейтральной голландской территории двух офицеров британской разведки – капитана Беста и майора Стивенса. Этот инцидент, разумеется противоречивший всем правилам войны, да еще сопровождавшийся убийством одного голландца, не давал покоя Шелленбергу под конец войны.

¹³ Бернадот очень энергично раздувал свою славу. 17.04.1947 г. он писал мне, утверждая, что я уделил недостаточно внимания его достижениям в своей книге «Последние дни Гитлера», и впоследствии опубликовал это письмо в Швеции. Позже мне стало известно, что копии письма он отправил ряду выдающихся англичан.

которому Керстен незамедлительно обратился за поддержкой. Барон ван Нагель сразу же получил от Гюнтера уверения, что Керстену нечего бояться. Он также обратился лично к Бернадоту. «Мне была позволена лишь пятиминутная встреча с ним в представительстве Шведского Красного Креста, – пишет он, – но и этого хватило. Я сразу же напомнил ему, что доктор Керстен сделал всю работу и что он [Бернадот] всего лишь исполнял поручение шведского правительства по транспортировке освобожденных узников в Швецию. В итоге граф Бернадот был вынужден признать, что спасение, приписываемое ему одному, реально проходило в два этапа: во-первых, освобождение заключенных из германских лагерей, что осуществил доктор Керстен в одиночку; и, во-вторых, перевозка им [Бернадотом] освобожденных заключенных»¹⁴. К сожалению, частное устное признание, какое бы удовлетворение у нас оно ни вызывало, не может полностью покончить с публичной и письменной претензией, которая содержится в популярной книге, переведенной на десяток языков. И к сожалению следует добавить, что это не единственный случай, когда Бернадот пытался препятствовать публикации какой-либо версии событий, противоречившей его собственной.

Керстен не только лишился заслуженной славы за свои тайные услуги; вскоре последовал и более серьезный удар. Для того чтобы защититься от возможной экстрадиции (угрозу которой он, вероятно, переоценивал), Керстен вскоре подал прошение о предоставлении ему шведского гражданства, и это прошение всеми силами поддерживал господин Гюнтер, единственный человек, реально знавший о его секретной работе на Швецию. Как писал Гюнтер, важно правильно оценить гуманитарную деятельность Керстена, «поскольку в ряде ранних описаний, особенно в связи с освобождением заключенных концентрационных лагерей, неверно оценивается – разумеется, без злого умысла – вклад различных лиц в достигнутый результат». К несчастью для Керстена, в июле 1945 года коалиционное правительство Швеции, в которое входил и Гюнтер, лишилось власти, а новые хозяева министерства иностранных дел по-иному относились к неудобному иностранному агенту своих предшественников. Согласно более поздним сообщениям шведской прессы, Керстену даже отказались возмещать расходы на поездки в Германию, совершенные по просьбе шведского правительства, и он был вынужден прибегнуть к сбору средств по подписке. Несмотря на поддержку Гюнтера, Керстену в последний момент было неожиданно отказано в получении шведского гражданства¹⁵. Очевидно, – как вскоре после смены правительства писал из Швеции голландский дипломат в свое ведомство, – «что шведы потерпят присутствие Керстена лишь в том случае, если он будет держаться в тени»¹⁶.

Так имя неудобного Керстена было придано забвению, а истинные заслуги графа Бернадота оказались совершенно погребены под романтическим мифом о национальном герое, который навязала миру несокрушимая машина печатного слова. Создавалось впечатление, что истина никогда не станет известна. Ведь кто знал истину? Немногие шведы – но как они могли пойти против великого Бернадота, в которого вложено столько национального капитала? Немногие немцы – но зачем им разглашать тот факт, что они были советниками Гиммлера? Немногие евреи – но в сентябре 1948 года Бернадот был жестоко убит еврейскими экстремистами, и чувство вины помешало этому народу выступить с заявлениями, которые даже самой умеренной и непредвзятой критикой могли бы быть истолкованы как попытка задним числом оправдать преступление. К счастью, имелась четвертая категория людей, знакомых с фактами. В Голландии не существовало подобных причин для молчания, и поэтому именно в Голландии впервые начала всплывать истина.

¹⁴ Показание барона ван Нагеля от 3.10.1949 г.; письмо барона ван Нагеля ко мне от 3.03.1953 г.

¹⁵ Согласно письму голландского посла в Хельсинки господина ван дер Влюгта своему правительству, Керстену отказали по настоянию графа Бернадота.

¹⁶ Сообщение господина Дийкмейстера от 22.11.1945 г.

В 1948 году слухи о несправедливости в отношении Керстена дошли до голландского правительства, и по настоянию профессора Н.У. Постхумуса, выдающегося историка экономики, который в то время был директором Голландского института военной документации, была создана специальная комиссия в составе одного историка и двух членов голландского министерства иностранных дел¹⁷ для выяснения подробностей работы Керстена во время войны. Собрав, проверив и изучив множество свидетельств и сотни документов, комиссия выступила в 1949 году с докладом. Этот доклад, ставший бесценным подспорьем в моих собственных изысканиях по той же теме, доказал, что все обвинения, выдвигавшиеся против Керстена – в том, что он был нацистом или что занимался спасением людей небезвозмездно, – являются злобной клеветой, и установил тот факт, что Керстен неоднократно спасал тысячи людей всех национальностей ценой большого личного риска и денежных расходов. Кроме того, он спас многих голландцев от депортации, сокровища голландского искусства от конфискации, а голландские города и сооружения (город Гаагу и дамбу Зейдер-Зе) от разрушения. Первоначально доклад был секретным, но впоследствии его издали. В результате Керстен стал gross-офицером ордена Ораниен-Нассау, получив знак ордена от принца Бернарда Нидерландского в августе 1950 года.

В Швеции, привыкшей к противоположному истолкованию фактов, признание заслуг Керстена иностранной державой поначалу не произвело особого эффекта. Голландский доклад не получил там известности. Его копия была отправлена вместе с личным письмом новому шведскому министру иностранных дел Эстену Ундену, но не вызвала положительной реакции. В 1952 году прошение Керстена о гражданстве было снова отвергнуто. Поэтому в том же году, успев провести обширное независимое расследование, я решил опубликовать все факты и сделал это в статье, вышедшей в январе 1953 года в американском журнале «Атлантик мансли». Эта статья, в которой впервые предавались гласности попытки Бернадота монополизировать славу, произвела в Швеции известный фурор, и шведское министерство иностранных дел было вынуждено издать по этому поводу официальное коммюнике. В нем отрицались некоторые из моих выводов, но, поскольку не цитировалось никаких свидетельств, лишь слегка намекалось на бумаги из архивов шведского МИДа, я не считаю его убедительным¹⁸. Однако чуть позже был опубликован документ годичной давности, который вполне мог послужить основой для этого коммюнике, так как, судя по всему, стал поводом для отказа Керстену в гражданстве в 1952 году. Это была памятная записка по поводу доктора Керстена, которую написал доктор Уно Виллерс, в то время возглавлявший архив шведского МИДа; в этом странном документе просто повторяются без всяких доказательств все старые обвинения, уже детально опровергнутые голландской парламентской комиссией. Интеллектуальный уровень этого документа ясно виден из заявления, что «фашистские наклонности» Керстена доказываются его участием в финской освободительной войне 1918 года. Профессор Постхумус в ответе доктору Виллерсу без труда опроверг подобную чепуху¹⁹. Он пункт за пунктом перечисляет ссылки доктора Виллерса на источники, доказывает их ложность и даже демонстрирует, что шведский архивист в своем стремлении дискредитировать некоторые документы не сумел отличить подлинники от их копий под копирку. Даже в Швеции этот безумный документ вызвал лишь презрение к министерству. Пять депутатов риксдага бросили вызов правительству, открыто обвинив его в том, что оно отказало в гражданстве выдающемуся деятелю гуманизма на основе ничемных и клеветнических измышлений. 29 апреля 1953 года в риксдаге разразились бурные дебаты, в ходе которых отношение шведского правительства к Керстену подверглось осужде-

¹⁷ В комиссию входили господин Сноук Хургронье (генеральный секретарь министерства иностранных дел), господин Ван Шелле (советник посольства) и профессор А.Й. Рютер из Лейденского университета.

¹⁸ Коммюнике было издано 3.02.1953 г. Я подробно ответил на него в «Свенска дагбладет» от 4.03.1953 г. и, по-английски, в «Атлантик мансли» за апрель 1953 г.

¹⁹ Письмо профессора Постхумуса Нобелевскому комитету норвежского стортинга от 10.06.1953 г.

нию как недалекое и неблагодарное. Через полгода правительство уступило. 30 октября 1953 года Феликс Керстен получил шведское гражданство. Истина взяла верх над клеветой и в Швеции²⁰.

Такова вкратце история Феликса Керстена и его работы на благо человечества, которую он сумел провести как иностранец, не имеющий никакой власти, кроме власти над телом и духом Гиммлера. На первый взгляд эта история кажется совершенно невероятной, и большинство из тех, кто слышал ее впервые – включая самого профессора Постхумуса, вдохновителя голландской комиссии, – принимали ее со скептицизмом, но она выдержала самые тщательные проверки. Ее изучали ученые, юристы и враждебно настроенные политики, и истина всякий раз торжествовала над скептиками. Человеческая память и человеческие суждения всегда подвержены ошибкам, но в том, что касается чистоты намерений и подлинности документов, я с удовольствием подтверждаю всем имеющимся у меня авторитетом точность мемуаров Феликса Керстена.

Г.Р. Тревор-Ронер

²⁰ С тех пор как это введение было впервые опубликовано в январе 1956 г., шведский МИД издал Белую книгу, в которой приводятся некоторые подробности спасательной экспедиции из правительственных источников. Издание Белой книги непосредственно спровоцировало мои публикации, которые критикуются в ней с достаточным пылом. Мой развернутый ответ вышел в «Дагенс нюхетер» от 27.04.1956 г. Здесь достаточно заметить, что, хотя шведская Белая книга указывает на некоторые мелкие ошибки, зачастую весьма педантично (я внес соответствующие поправки в данное, американское издание книги), она в конечном счете заявляет, что услуги Керстена (факт которых ранее отрицался) были «бесспорными», «явными и значительными» и что Бернадот в своем рассказе «безусловно, не сумел отдать должного» своим сотрудникам.

I

Разговоры о масонах

Визит в масонский музей

Фриденау, Берлин

7 февраля 1940 года

Несколько дней назад Гиммлер спросил меня, не хочу ли я посетить масонский департамент при Главном управлении имперской безопасности. Он считал, что я имею совершенно неправильные представления об истинной природе масонства и мне следовало бы ознакомиться с этим явлением поближе. Я согласился.

Сегодня я побывал в департаменте. Во-первых, там есть огромная картотека, включающая все имена из списков, конфискованных в распущенных ложах. На каждой карточке указана ложа и звание конкретного лица, его политическое и экономическое положение; на важные фигуры, как в Германии, так и за границей, имеются специальные документы. Мне разрешили выбрать несколько карточек, и, чтобы проверить их точность, я взял карточки тех, про кого знал наверняка, что они масоны. Сведения оказались верными.

Затем меня привели в настоящий масонский храм, где объяснили масонский ритуал и прочли лекцию о мнимой опасности этого движения, его международных связях, о его силе и влиянии. Мне показали документы, иллюстрирующие дела и методы масонов с целью доказать, что они пользуются ядом для устранения предателей из своих рядов. В храме были гроб с масонскими знаками, множество черепов, фартуки и регалии – не слишком-то приятное зрелище. Могу свидетельствовать, что все это вместе с достаточно умело оформленными стендами о деятельности масонов производит известное впечатление на посетителя. До того как разразилась война, в департаменте ежедневно проводились экскурсии. Здесь побывали тысячи лидеров партии, гитлерюгенда, офицеров армии и гражданских служащих. Меня уверяли, что офицерские курсы в Берлине обычно завершаются визитом в масонский музей. В целом это очень продуманный метод демонстрации той опасности, которую якобы представляет эта «наднациональная сила».

Под конец мне показали колоссальную библиотеку, в которой собрано все написанное о масонской деятельности, как самими масонами, так и их врагами. Ее источником послужили книжные богатства из закрытых масонских храмов, свезенные в одну большую масонскую библиотеку. Для библиофила это, безусловно, уникальная коллекция; в нее включены материалы об оккультных методах лечения, особенно о китайских и индийских, которые представляют для меня громадный интерес. Я разговаривал с одним из специалистов, интеллигентным молодым ученым, который полагал, что участвует в жестокой борьбе с вторыми после евреев самыми опасными врагами мира; и он собирался внести свой вклад в победу над этим «бичом человечества».

Я узнал, что идея создать подобный масонский музей исходила от Гейдриха, главы полиции безопасности. Одновременно он создал информационный центр для всех государственных и партийных структур. Когда какого-нибудь человека называли масоном, это ставило крест на его партийной, гражданской или военной карьере. Ряд видных лиц уже лишились своих должностей по этой причине. В частности, Гейдрих возглавил кампанию против доктора Шахта, президента Рейхсбанка, на том основании, что тот – «высокопоставленный масон».

Я покинул департамент с твердым решением получить от Гиммлера более полную и всеобъемлющую информацию.

Идеи Гиммлера о масонстве

Фриденау, Берлин

15 февраля 1940 года

Случай выпал сегодня, когда я сообщил Гиммлеру, что воспользовался его предложением и посетил масонский департамент.

– И какое у вас впечатление о масонах? – спросил он.

Я ответил, что ушел оттуда с впечатлением, будто все выдающиеся люди последних двух столетий были масонами. Я никогда не знал этого раньше: должно быть, за масонством стоит большая интеллектуальная сила, раз оно обладает такой притягательностью. К несчастью, об этом ничего не было сказано в лекции; она свелась к изображению ужасного наднационального тайного общества, раскинувшего над многими странами свою сеть, в центре которой, как пауки, сидят немногочисленные вожди, отдающие приказы. Если верить тому, что мне показали, то это в принципе те же самые люди, которые возглавляют международные еврейские организации.

– Так вот вы до чего дошли, – засмеялся Гиммлер. – Конечно, за масонством лежит определенная идея, идея Французской революции с ее требованиями свободы, равенства и братства, с ее гуманистическими идеалами и правами человека. Но это только камуфляж, чтобы привлечь к масонству широкие массы, навязать им свое мышление, склонить их на свою сторону или по крайней мере нейтрализовать. Благодаря этому дьявольски хитроумному трюку под влиянием масонов оказались тысячи людей, сами по себе достойные и респектабельные: как государственные чиновники, так и специалисты из деловой сферы и промышленности. Эти несчастные обманутые верят, что служат великому гуманитарному идеалу, не осознавая, как их используют. Это особенно верно в отношении наших добрых немцев, которые всегда были податливы к любым идеологическим махинациям.

Насколько точно это совпадает, подумал я, с тем, что думают о национал-социализме его враги, особенно за границей. Сколько раз я слышал аналогичные умозаключения! И я спросил Гиммлера:

– А что бы вы сказали, господин рейхсфюрер, если бы услышали такое мнение о национал-социалистической партии: «Маленькая группа, состоящая из Адольфа Гитлера, Гиммлера, Геринга, Геббельса, Розенберга, Лея и нескольких других, пользующаяся национал-социалистическими идеями, особенно расовым и пангерманским учениями, чтобы обманом подчинить себе широкие массы и использовать их в собственных планах всемирного господства. Простой добрый национал-социалист доверчиво идет за ними и верит, что служит великому идеалу, в то время как, будучи немцем и, следовательно, податливым к любым идеологическим махинациям, он не замечает стоящей за ними реальности»?

– Вы иезуит, господин Керстен, – рассмеялся Гиммлер, – но не можете же вы всерьез сравнивать нашу работу на благо народа с идеологическими фантазиями масонов и Французской революции. Мы занимаемся совершенно конкретными вопросами, настолько очевидными, что любой человек легко может сам в них разобраться.

– Сторонники Французской революции утверждали то же самое, – возразил я. – Тогда тоже стояли совершенно конкретные вопросы, из которых я назову лишь несколько: освобождение крестьян из-под власти землевладельцев, а ремесленников и купцов – от тягостных корпоративных уз; освобождение личности от знаменитых *lettres de cachet* – ордеров на арест, покупавшихся за деньги и позволявших их владельцам посадить в тюрьму любого несчастного, который окажется вписан в такой ордер. Далее, тогда стоял вопрос свободы научных исследований и свободы совести от принуждения, налагаемого церковью. Все это были исключительно реальные и конкретные требования. Они и стали движущей силой Французской революции,

придав ей столь взрывной характер и, прежде всего, столь потрясающий эффект, который она произвела на широкие массы. Вы же не думаете всерьез, господин рейхсфюрер, что обычный человек питал бы энтузиазм к абстрактным идеям свободы, равенства и братства, если бы они не имели конкретного применения к его повседневной жизни? Ведь для крестьян свобода означала избавление от вооруженной борьбы, для торговых городов – эффективный свободный бизнес, а для ученых – свободное проведение научных исследований, свободу совести и свободу деятельности в любых сферах жизни.

Более того, индивидуализм, на который вы так решительно нападаете в интересах сообщества, по-прежнему имеет откровенных приверженцев в широких кругах европейской культуры. Когда эти люди говорят о свободе личности или свободе совести и мнений, они не ограничиваются умозрительными вопросами. Мне не нужно говорить вам, кого они считают своими конкретными врагами. Неудивительно, что они видят в масонстве защитника своих идей и чувствуют влечение к нему. Среди сторонников национал-социализма наблюдаются аналогичные признаки психологического интереса.

– Но почему нас поддерживают массы? Может быть, вы скажете мне, раз так много знаете об этом?

– Охотно, господин Гиммлер, но не обижайтесь, если я выскажусь откровенно. Вы всерьез полагаете, что массы идут за вами из-за особого уважения к национал-социалистической идеологии? Это происходит лишь потому, что они кое-что получают от нее. Рабочий, имеющий хороший заработок, вдовы, сравнивающие свою нынешнюю пенсию с той, что получали в предыдущую войну, приходят к выводу, что национал-социализм – вещь хорошая. Промышленники получают огромную прибыль от производства вооружения и полагают, что могут отлично поладить с вами. Родителям больше не надо волноваться за судьбу своих умных детей, поскольку государство платит за их специальное обучение в «Наполас» и очень довольны, когда они решают стать офицерами в армии или в ваффен-СС, разрешая им в этом случае продолжать обучение, что очень приятно для родителей. Вы обещали землю на востоке для младших сыновей крестьян, которым прежде приходилось своим потом зарабатывать на кусок хлеба. Они облегченно вздыхают и с энтузиазмом поют: «Мы шагаем на восток».

Гиммлер просиял и сказал:

– Ну, разве это не чудесно, господин Керстен? Реальный практический национал-социализм – и это опять же демонстрирует влияние национал-социалистической идеологии.

– Можно назвать это и так, но уверяю вас, что идеологически можно обосновать величайшую чепуху, – парировал я. – Если вы будете продолжать и расширять эти меры, то получите поддержку масс не благодаря вашим идеям, а даже несмотря на них. Если лишь чуть-чуть изменить точку зрения, то легко указать, что национал-социалисты, как знатоки народной психологии, точно знают, как овладеть массами – достаточно, чтобы внутренний круг бросал им подачки, убаюкивал их, обманывал, уговаривал, – и мы снова возвращаемся к вашей идее о масонской идеологии.

Но больше всего меня интересует кое-что совсем другое. Господин Гиммлер, вы действительно верите в существование небольшой группы высокопоставленных масонов, стоящей за каждым политическим и экономическим событием и регулярно проводящей тайные встречи, на которых принимаются решения о войне и мире – решения, влияющие на историю народов и правительств? Ваши люди в масонском департаменте говорили мне что-то в этом роде и, кажется, даже сами в это верили.

– Я не только верю этому, господин Керстен, – ответил Гиммлер, – я это знаю. Вы забыли добавить, что эти высокопоставленные масоны идентичны с внутренним кругом сионских мудрецов. Так еврейские правители мира пользуются масонством для камуфляжа собственной интернациональной власти. С масонской помощью сионские мудрецы намереваются сокрушить сопротивление интеллектуального и духовного правящего класса германского мира. Ведь

они интересуются обращением в свою веру лишь интеллектуалов – юристов, врачей, протестантских священников, промышленников и политиков, но не ремесленников и торговцев и тем более не рабочих. Их усыпляет другая наднациональная сила – Международный союз рабочих, который управляется масонами и их еврейскими вождями.

– Господин рейхсфюрер, это фантастика, – возразил я. – Масоны окружают себя тайной с целью оказания особого влияния на своих сторонников. Вполне естественно, что по этой причине на них возводится много напраслины, но где же реальные доказательства ваших утверждений?

– Господин Керстен, разумеется, я не могу положить перед вами на стол признание преступника с его собственной подписью. Чтобы ясно увидеть всю картину, вы должны изучить под микроскопом деятельность масонов за последние два века. Тогда сможете подтвердить: ведущие масоны принимали участие в свержении любого правительства. Они приложили руку ко всем тяжелым финансовым кризисам, которые привели экономику нашей страны на край пропасти. Масоны играют важную роль в экономической и интеллектуальной жизни страны и ведут за собой других масонов. Те решительные люди, которые вели против нас Первую мировую войну, – масоны. Во Второй мировой войне всемирное масонство снова объединилось против нас. В некоторых англосаксонских странах практически невозможно занять какое-либо положение в промышленности или политике, если только вы не масон. Разве это не достаточные доказательства, господин Керстен?

– Только не для меня, господин рейхсфюрер. Масонство привлекает многих людей благодаря своей гуманитарной программе и той помощи и поддержке, которую оказывает своим членам. Они знают, что получают возможность для новых достижений, найдут полезных друзей и улучшат свое положение. Неудивительно, что инициативные люди пользуются этим источником влияния. Учитель становится масоном, потому что его директор – масон, и бизнесмен – по той же самой причине. По-человечески вполне понятно, что люди стараются поддерживать контакты со своими знакомыми. Людей гонит в масоны нечто вроде естественного отбора. Точно так же естественно, что одни и те же люди снова и снова проявляют себя в экономической и политической жизни. Вы принимаете это за доказательство своей теории и торжествуете, когда можете продемонстрировать, что масоны принимали участие в любой экономической или политической катастрофе. Из этого вы делаете вывод, что перед нами – заговор наднациональных сил, которые ответственны практически за все. Но точно так же можно доказать, что за каждой экономической или политической катастрофой стоят юристы. Меня лишь удивляет, что вы с вашей ненавистью к юридической профессии еще этого не сделали.

– Что вы имеете в виду? – спросил Гиммлер.

– Все очень просто, – стал объяснять я. – Вам лишь нужно собрать данные по профессии ведущих людей в какой бы то ни было сфере, и вы получите доказательство, что тридцать—сорок процентов от их числа – юристы. В вашей власти, господин Гиммлер, прийти к определенным выводам относительно этой группы заговорщиков и преследовать их так же, как вы уже преследуете масонов. Аргументов у вас будет в избытке. Вы можете заявить, что все юристы получили одинаковое образование, говорят на одном жаргоне, ревностно хранят при себе свои взгляды и приемы; один юрист приводит за собой следующего и радуется, когда находит на другой стороне кого-нибудь, с кем может достичь понимания. Они играют по своим правилам и, в частности, сплочаются против политиков, которые не обладают их специальными знаниями; они создали международные ассоциации и понимают друг друга посредством языка и образования, которое носит не менее интернациональный характер. Этого вполне достаточно, чтобы прийти к логическим выводам. Я думаю, господин Гиммлер, что вы стали жертвой идеологии.

Борьба против всех анонимных сил

Мне было очень любопытно услышать, что Гиммлер ответит на это. К сожалению, на этом разговор закончился, так как его позвали. Но я смог поговорить с очень откровенным и умным человеком из его штаба и в разговоре заметил, что необходим весьма примитивный мыслительный процесс для того, чтобы всерьез полагать, что за каждым политическим и экономическим событием стоит заговор наднациональных сил.

– Только не пытайтесь объяснять это рейхсфюреру, – посоветовал он, – поскольку его убежденность непоколебима. Крайним примитивизмом он называет как раз противоположную школу мысли, которая видит за всеми политическими и экономическими событиями действие неких имманентных законов; он говорит, что это лишь прикрытие для истинных мотивов, придуманное махинаторами для того, чтобы обмануть интеллектуалов, которые, разучившись пользоваться своими инстинктами, быстро становятся жертвами лжи. Он ненавидит какую-либо анонимность. Он – как те крестьяне, которые никогда не говорят о «правительстве», но считают тех или иных чиновников, каких-нибудь Мейеров или Мюллеров, личными друзьями или врагами. Например, если рейхсфюреру говорят: «Это организовало министерство внутренних дел», он спрашивает: «Какое министерство?», имея в виду – какое конкретно должностное лицо. Вы должны это знать, если собираетесь говорить с ним на подобные темы. Он всегда пытается найти контролирующую силу.

Для него нет такой вещи, как «экономика». Он приходит в ярость, если кто-то говорит ему о неизменных законах экономики. Для него «экономика» – это господин Флик, господин Штиннес, господин Крупп или господин Тиссен. Он всегда сразу же отвечает: «Очень хорошо, так чего же хочет господин Крупп или господин Штиннес?» Он считает, что почти каждым важным человеком управляют некие анонимные силы, представителем которых тот является. Его разум и все поведение целиком настроены на то, чтобы выяснить, кто в данном случае дергает за ниточки. К этой задаче он привлек свою информационную службу, заставляя ее чертить большие диаграммы, на которых графически изображаются различные влияния. Он может часами изучать эти диаграммы с Гейдрихом, обсуждая и обдумывая их. Сфера промышленности со всеми ее хитросплетениями и рыночными соглашениями представляет для этого большие возможности.

Гейдрих поощряет эту важнейшую черту рейхсфюрера. В его промышленном департаменте есть чертежники, которые с величайшей тщательностью прослеживают эти запутанные связи. Таким образом Гейдрих оказывает большое влияние на рейхсфюрера, который всегда прислушивается к нему, когда он таким хитроумным образом разъясняет систему контролирующих сил. Теперь рейхсфюрер рассматривает промышленность и ведущих промышленников лишь с этой точки зрения. Гейдрих называет этот метод «раскрытием маскировки» и считает его шедевром своей информационной службы.

Более того, рейхсфюрер взял на вооружение то, что считает методом своих врагов и основой их власти, и, логично используя его, сделал основой доминирующей позиции, которую занимают в государстве СС. С этой точки зрения СС – не что иное, как антимасонство, – хотя рейхсфюрер этого не признает, – с помощью которого он хочет потихоньку занять ведущие позиции в правительстве и в партии. Всю систему награждения так называемых «почетных вождей» специальной формой и званиями можно оценить лишь с этой точки зрения.

– И как же работают эти ложи СС? – прервал я его.

– В целом на удивление удачно, – был ответ. – И этот факт лишь укрепляет рейхсфюрера в его взглядах. Недавно он выразился так: «Поскольку мы имеем счастье наблюдать, как эта система преобразует крохотную шлюпку, которой были СС, в большой вооруженный крейсер, которым они являются сегодня, мы можем получить представление, чего могли достигнуть и

достигли враги, пока наш народ спал. В то же время это служит для нас большим стимулом к логичному и методичному наступлению по лежащему перед нами пути.

Я был потрясен этим первоклассным объяснением. Теперь я куда более ясно понимал слепое и предвзятое отношение Гиммлера к масонству и всем похожим на него организациям. Во время посещения Масонского музея я узнал, каким гонениям Гиммлер подвергал все подобные объединения, даже так называемый «Тевтонский орден» и «Германскую лигу», в целом считавшиеся безвредными, но прежде я не был способен оценить подобные события в рамках общей проблемы.

Борьба с национальным масонством

Фриденау, Берлин

20 февраля 1940 года

Сегодня я говорил об этом с Гиммлером, пока проводил сеанс лечения, и спросил, какова была истинная причина полного запрета национальных масонских лож. Он немедленно ответил:

– В каждой ложе есть тайные вожди, которые управляют теми вождями, что появляются открыто. Пусть председатель ложи – какой-нибудь достойный врач, но откуда мне знать, кому он в действительности повинуется? Мы должны последовательно действовать в этом отношении и безжалостно искоренять любые слабые места, где может прорваться враг. По этой причине мы не допустили малодушия и не позволили ни снять запрет на так называемые три национальные великие ложи Пруссии, ни дать их членам возможность альтернативной организации, хотя они утверждают, что среди их представителей были прусские короли и принцы королевской крови. Перед вами – характерный пример тех тонких методов, к которым прибегают вожди масонов. Они основывают национальные ложи, те приобретают большую независимость, провозглашают принципы, совершенно противоположные тем, которых обычно придерживаются масоны, и в итоге короли и принцы, обычно не наделенные большой проницательностью, вступают в эти ложи, достигают больших чинов и появляются на людях в масонских фартуках.

– И чего же таким образом достигают масоны? – спросил я.

– Вам еще не ясно? – удивился Гиммлер. – Во-первых, это замечательная пропаганда масонской идеи. Если в ложу входит королевская семья, то масонство становится уважаемым в глазах широких масс, владельцев собственности и образованных людей. Все сомневающиеся голоса мгновенно умолкают. Масонам больше не приходится защищаться – им достаточно лишь указать на короля, их собрата масона. Неужели кто-то считает себя умнее короля? После этого членство в ложе автоматически привлекает всех тех, кого масоны особенно хотят заполучить в свои ряды – влиятельных чиновников и политиков. Им не нужно никаких дальнейших действий, чтобы перетянуть на свою сторону ведущих политических деятелей и промышленников. После этого масонская ложа становится центром общественной жизни, проводя пышные пиршества и празднества в честь дня рождения короля или принца. Масонство превращается в нечто вроде большого национального и социального клуба; бесплатная выпивка и закуска делают его еще более привлекательным для чиновников, обделенных дарами этого мира.

Однако масоны тем временем тихо и незаметно расширяют свое влияние: читаются лекции на темы, дорогие масонам; обеспечивается поддержка выдающихся ученых, налаживаются связи с другими ложами, и желаемый результат налицо – сперва нейтралитет, а затем и союз со всемирным масонством. Вероятно, вы удивитесь, узнав, что все высшие должности этой ложи дублируются. Помимо Великого магистра, необходимого как публичная фигура, есть и никому не известный человек, в действительности занимающий куда более высокое положение во всемирном масонстве, мастерски пользующийся и руководящий этой «теневой системой».

Одна-единственная сила, не позволившая себя обмануть, – это католическая церковь. Она остается безжалостным врагом масонства. Конечно, вы знаете, что любой католик автоматически отлучается от церкви в тот момент, когда он становится масоном. И церковь прекрасно понимает причину такой безжалостности. Она сама работает по масонским принципам: ее религиозные ордена, в частности иезуиты, – нечто иное, чем могущественные ложи католической церкви. Церковь знает, чего добилась этой системой, и не потерпит ни одной оппозиционной ложи, пользуясь любыми средствами, чтобы не позволить своим овцам вступить в

нее. Не следует обманываться объяснением, что церковь выступает против масонов, потому что они – приверженцы либеральных идей. Сейчас эти идеи получили такое распространение даже в самой католической церкви, что запреты и предупреждения на этот счет совершенно неуместны. Неумолимое отношение католической церкви к масонству – лучшее доказательство того, как точно мы оцениваем ситуацию. Лишь глупые протестантские священники еще не поняли, что поставлено на карту. Они вступают в ряды масонов, не зная, что сами роют себе могилу.

– Но не являются ли ваши СС тоже своего рода масонской ложей, господин рейхсфюрер? – спросил я Гиммлера.

– Как вы можете такое говорить? – возмутился он. – У нас же нет ни тайных вождей, ни системы масонских званий. СС – это орден с хорошо известными руководителями и открыто провозглашенными целями. Это германская форма объединения людей, преданных высшей цели. Если вам нужно сравнение с кем-то, то сравнивайте СС с немецкими рыцарями, целью которых была защита от Востока. Но любые сравнения будут ложными. СС специально созданы для национал-социалистического государства и исключительно для его целей, и не могут быть перенесены в другие государства, так же как и сам национал-социализм.

– Я не вполне вас понимаю, господин Гиммлер, – сказал я. – Тогда зачем вы создаете части СС, состоящие из норвежцев, датчан, голландцев и фламандцев?

– Это совсем другое дело. Это боевые части, единственная задача которых – обеспечить жизненное пространство для германских народов на востоке. Они не имеют никакого отношения к другой сфере, в которой действуют СС.

– Если все то, что вы и ваши люди рассказывали мне о масонстве, действительно выражает ваши твердые убеждения, – сказал я, завершая разговор, – то есть одно, чего я не понимаю. Почему вы ведете непримиримую борьбу с евреями и масонами, с одной стороны, и их заклятым врагом – католической церковью, с другой, вместо того чтобы заключить союз по крайней мере с одной из сторон и использовать ее против другой стороны? Зачем вы начали Вторую мировую войну, имея в тылу обоих этих врагов?

– К сожалению, мой дорогой господин Керстен, я не могу вам дать ответ, – сказал Гиммлер, сразу же приняв суровый вид. – Решения в такого рода делах принимает лично фюрер. Теперь, когда жребий уже брошен, говорить об этом бессмысленно.

– Вы почитаете Фридриха Великого и считаете его примером для подражания? – спросил я под конец лечебного сеанса.

– Конечно, – ответил Гиммлер.

– Но он был масоном и не позволял никому себя обманывать.

– Это был особый случай, – сказал Гиммлер.

II

Разговоры о евреях

Берлин

3 марта 1940 года

Мне представился случай заметить Гиммлеру, что я никогда не понимал антисемитизма; евреи по меньшей мере оказали большое влияние почти на все сферы жизни. У каждого народа есть определенное количество представителей, которыми нельзя гордиться, – но следует проявлять осторожность и не допускать широких обобщений. С той же легкостью можно заявить, что все немцы – педанты, фанатики и империалисты, лишь потому, что так можно описать некоторых из их числа.

Тогда Гиммлер завелся:

– Всюду, где появляется еврей, он пытается вести дела. Я не имею ничего против инстинкта накопительства, как такового, но имею очень многое против его еврейского варианта. Границы нации и присущие ей промышленные интересы безразличны для евреев, если только процветает торговля. Они протянули паутину связей со своими соотечественниками-евреями во всех странах мира.

– Стремление к бизнесу присуще всем, – заметил я. – Бизнесмены-неевреи также трудятся ради своего процветания.

Гиммлер сказал:

– Конечно, немцам следует торговать со всем миром, но ради Германии в целом, не только ради своего личного обогащения, не учитывающего интересы общества. Есть промышленные вожди, действующие в этом смысле, стоит вспомнить лишь о таком человеке, как Рехлинг. Но так называемые немецкие евреи трудятся не ради Германии, а ради самих евреев. Евреи разбросаны по всему миру и поэтому интернационалисты по своим взглядам. Еврейская империя, – подчеркнул Гиммлер, – властвует над всеми остальными, она высасывает из них сырье, силу, богатство, влияние, чтобы употребить все это лишь себе на благо.

Мой ответ был таким:

– Эти фантастические идеи почерпнуты из антисемитских сочинений. Есть много примеров евреев, снова и снова рисковавших жизнью ради страны, которая была их родиной.

– Это были редкие исключения, – констатировал Гиммлер. – Встречаются и случаи предательства среди неевреев, в то время как подавляющее большинство народа хранит верность родине. Те евреи, которые сражались за страну, в которой они жили, с еврейской точки зрения были отступниками и предателями, отщепенцами. Агенты еврейской империи часто встречаются среди тех евреев, которые заняты в военной промышленности дома или в тылу.

Я возразил, что не могу представить себе такую фантастическую страну, как еврейская империя.

– Эта фантастическая страна, – продолжил развивать свою мысль Гиммлер, – держится на всем еврейском народе. Евреи могут перенести любой климат. Они умудряются селиться там, где не проживет ни один нееврей, заводят процветающий бизнес и живут счастливо. Этот климатический вопрос – также причина того, почему еврейская кровь и еврейские черты всегда доминируют при смешении рас.

Протоколы сионских мудрецов и масонские документы наделяют еврейскую империю выдающейся ролью. Это своего рода интеллектуальное гетто – но в таком виде, что даже неевреи могут служить ей на благо, не осознавая этого. Основой и кодексом этой империи является Ветхий Завет – вера, созданная столетия назад для еврейской расы. Частично он представляет собой учебник хороших манер, но только по отношению к другим евреям, частично – дутый

мистицизм с изрядной долей жестокости, мстительности, а также сексуальной непристойности. Таким образом, в этой книге каждый что-нибудь найдет для себя, и она сохраняет привлекательность в глазах людей.

Я ответил, что знаю немало евреев, перешедших в христианство, и спросил, не кажется ли Гиммлеру подобный альянс невозможным?

Гиммлер сказал в ответ, что знал немало немцев, которые были либо католиками, либо протестантами, либо магометанами, либо вообще никакой религии не исповедовали, но тем не менее оставались добропорядочными немцами.

– Если вам нужно еще одно доказательство, подумайте о балканских народах, которые столетиями жили под властью турок, нередко переходили в магометанство, однако за все это время несколько не изменили своего национального характера. Еврей может перейти в христианство, но он остается евреем, и другие евреи говорят о нем как об одном из своих. Он не может выйти из того круга, который оставил на нем отпечаток. Он даже становится особенно полезной пешкой в их игре, потому что отчасти замаскировался, и люди, среди которых он живет, воспринимают его как своего человека.

– Но сам Бисмарк говорил, что вливание еврейской крови было бы полезно для немецкого народа, или что-то в этом роде, – возразил я.

– Вы можете себе представить, чтобы Бисмарк женился на еврейке? – ответил Гиммлер. – Я не могу. Высказывание Бисмарка следует понимать в переносном смысле. Он имел в виду, что немцы должны проявлять больше реализма при укреплении места Германии в мире. Они же занимают позицию, точно противоположную еврейской – переселяются за моря, но сразу же забывают свою национальность и свою родину. Более того, вам следует знать, что говорил и писал о евреях Лютер. Ничье суждение о них не было более резким. – После паузы он добавил: – И раз мы затронули историю, то папа Григорий VII был другом евреев. Они финансировали его избрание. Его сын тоже стал папой. Внук этого папы, также юдофил, в свою очередь стал папой. Таково было состояние дел в так называемой святой церкви. Этот Григорий VII заявил, что никто не может приказывать папе, поскольку он свят; что он может смещать князей и императоров; что Бог вложил всю власть в его руки; он даже может освобождать подданных от их клятвы верности. Вот что делал этот друг евреев, и немецкому императору пришлось три дня стоять перед ним босым на снегу, вымаливая прощение. Какую святотатственную надменность и какое неуважение к немецкой идее верности этот человек принес в мир! Это произошло в 1077 году и, по словам Бисмарка, до сих пор ожесточает душу.

– Но это случилось очень давно. С тех пор многое изменилось. Не следует делать из этих событий выводы для нынешней эпохи.

– Ничего не изменилось. Содеянное этим еврейским папой продолжает оказывать влияние столетия спустя, а современные евреи со своими сионскими мудрецами ведут ту же политику. Тогда это был папский престол, теперь – промышленный престол, который служит еще лучшим камуфляжем. Но мы частенько получаем возможность заглянуть за занавес. Послушайте-ка: когда после Первой мировой войны в Германию устремились восточноевропейские евреи, кто их принимал? Так называемые лояльные немецкие евреи. Они симпатизировали этим пришельцам, а не нам. И чего же достигли восточноевропейские евреи? Все они достигли богатства и процветания. Благодаря помощи нашего народа? Нет, благодаря помощи так называемых лояльных евреев. Они помогали сородичам, в то время как уровень самоубийств, вызванных голодом, поднимался среди немцев все выше и выше. Почему же лояльные евреи помогали этим беженцам? Потому что те принадлежали к их общине, а не к нашей. Театр, музыка, кино, искусство, журналистика – все было поставлено с ног на голову, чтобы служить еврейским целям. Все заражено их ветхозаветным духом.

Я заявил Гиммлеру, что его доказательства – надуманные. Невозможно же предположить, что все немцы – поэты и мыслители, лишь потому, что в определенные эпохи поэтов и мыслителей было больше, чем в другие?

Гиммлер по-прежнему приводил доказательства из туманного и далекого прошлого: германский народ, обладая решающей силой, всегда строил государства; Гиммлер называл это «героизмом меча» и «героизмом труда». Они ни на что другое были не способны, это было просто заложено в их расе, сформировавшейся в течение столетий в результате конкретных обстоятельств и влияний. Евреев же совершенно другие обстоятельства превратили совсем в другую расу, которая жила не войной, не тяжелым трудом, а особым видом предпринимательства, методы которого даже в его самых респектабельных проявлениях сохраняют нечто от торгова и восточного базара. Этот торг никогда не ценил интеллектуальных ценностей и культуры других наций. Все шло на продажу, все обесценивалось и подвергалось интернационализации. Еврейская империя извлекала рабочий капитал и материальные богатства из банкротства национального характера. В этом состоит ее сила. Наша же сила заключается в нашей национальной, культурной и социальной структуре. Сам по себе еврей – не хуже и не лучше, чем представитель любого другого народа. Но каждый народ должен быть связан своей собственной формой существования и культуры. Иначе останется лишь борьба не на жизнь, а на смерть. Сумели ли мы онемечить евреев? Нет, зато они превратили нас в евреев.

– Вы берете свои аргументы из эпохи, отстоящей от нас на семьсот лет. Наука и всемирная торговля уже давно превратили ваше идейное поле в нечто совсем иное. Живая реальность разоблачила всякий научный догматизм.

– Я дам вам очень простой ответ, – сказал Гиммлер. – Несмотря на всемирную науку и торговлю, мне противно видеть евреев, разгуливающих по Баварским горам в кожаных шортах. Я же не разгуливаю в кафтане и с пейсами. С точки зрения расовых чувств мы принадлежим к двум различным мирам.

– Но еще вас раздражает, – ответил я, смеясь, – когда в кожаных шортах разгуливает так называемый типичный пруссак. Это – баварский регионализм, который нельзя запретить даже в Великой Германии, и сейчас свойственный даже евреям. Но как вы, человек, знающий историю, можете пользоваться протоколами сионских мудрецов в качестве аргументов в походе против евреев?! Вы же должны знать, что они осуждены как безусловная фальшивка.

– Таково мнение лишь евреев и тех, кто ими подкуплен. Вам следовало бы это знать.

Я ответил на это лишь то, что подобными методами можно опровергнуть любые исторические доказательства и выбить почву из-под ног у кого угодно. Дискуссия становится невозможной, если вы считаете, что все свидетельства измышлены и что все документы – фальшивки. Подобное оружие опасно и может быть обращено против того, кто им пользуется. Что бы сказал Гиммлер, если бы вся история национал-социализма рассматривалась с такой точки зрения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.